

УДК 338.2–048.35

Усманов С.М.

**НОВЫЙ ЦЕЗАРИЗМ
В КОНТЕКСТЕ
ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Ключевые слова: постсоветское пространство, новый цезаризм, модернизация.

Глубокие трансформации, происходившие на постсоветском пространстве в последние годы, включая многочисленные потрясения в России, на Украине, в Белоруссии, Киргизии, Молдавии и других республиках бывшего Советского Союза, еще раз наглядно продемонстрировали, насколько сложны и противоречивы процессы социально-экономической и политической модернизации, протекающие ныне в этой части света. С еще большей очевидностью обозначилась слабость и неустойчивость сложившихся после распада СССР новых независимых государств, непрочность существующей в них системы власти. Вместе с тем данные события дают повод для исследователей и общественных деятелей предпринимать дальнейшие усилия для осмысления реальностей происходящих социально-экономических и политических преобразований.

Надо признать, что проблемы так называемого демократического транзита на постсоветском пространстве остаются пока слабо разработанными. Не случайно известный российский исследователь В.Я. Гельман подчеркивал, что вопрос о причинах различий постсоветских трансформаций остается открытым, а потому необходимо сформулировать новые теоретические рамки анализа [1]. Думается, в данном случае дело еще и в том, что накопленный опыт в бывших республиках СССР пока не очень велик. А если учитывать общемировые вариации подобного транзита, то можно предположить, что под вопросом остается сама конечная его цель – а именно построение стабильной и эффективной демократии. Ведь имеющийся в разных регионах современного мира реальный опыт демократического транзита весьма неоднозначен.

И на постсоветском пространстве прошедшие после распада СССР два

десятилетия не дают оснований для утверждений об успехе опытов становления демократических режимов. Напротив, все более сильными становятся тенденции к консолидации авторитарных политических систем. Причем это можно утверждать применительно почти ко всем государствам постсоветского ареала, даже к тем, где такие тенденции сравнительно слабее. В частности, очевидные авторитарные тенденции обозначились в последние годы на Украине в период нахождения у власти президента Виктора Януковича. Да и опыт Грузии дает основания констатировать, что после «революции роз» 2003 г. президент Михаил Саакашвили не столько укреплял демократические институты государства, сколько авторитарными методами наращивал свою власть.

Если обратить внимание на перемены в Центральной Азии, то здесь особенно интересен феномен Киргизии. По сути дела, эта страна превратилась в «опытный полигон» демократического транзита – и не только для самой Центральной Азии, но и для всего постсоветского ареала. Разнообразие событий и перемен в Киргизии не может не впечатлять: после «интеллектуального» правления «убежденного демократа» Аскара Акаева последовала демократическая «революция тюльпанов» весны 2005 г. А в апреле 2010 г. жертвой «политической весны» в Киргизии стал уже президент Курманбек Бакиев, этот «киргизский Ющенко», как его называли в свое время.

Пожалуй, специфика Киргизии раскрывает не только особенности, но и весьма значимые общие закономерности постсоветского транзита. Не в последнюю очередь благодаря смелому поиску чего-то лучшего и неизведанного не только киргизской политической элитой, но и значительной частью

масс. Довольно образно высказался об этом нынешний президент Киргизии Алмазбек Атамбаев. Будучи еще премьер-министром в годы президентства Курманбека Бакиева, А. Атамбаев очень определенно и претенциозно попытался показать выигрышные стороны опыта Киргизии: «Да, у нас нестабильность, но нестабильность горной реки, чистой воды. А у некоторых наших соседей стабильность мины – как рванет, мало не покажется». Впрочем, в том же самом интервью Алмазбек Атамбаев сделал и другие признания, куда менее приятные для киргизских политиков. Например, такое: «Последние 15 лет никто не занимался нормально экономикой, лишь занимались укреплением семейного правления. К сожалению, и в последние два года все шло в том же ключе» [2].

Заметим, что киргизские эксперименты в русле демократического транзита оказываются, по крайней мере по некоторым существенным параметрам, в довольно резком контрасте с остальными странами региона, о политических системах которых мы имеем совсем другие оценки: «сверхавторитаризм», «монархия, замаскированная под демократию», «возвращение в средневековье» [3].

Конечно, политические потрясения в Киргизии нельзя объяснять только исходя из специфики этой страны. В конце концов, ведь и опыт Киргизии подтверждает, что в Центральной Азии, по крайней мере пока, жизнеспособными остаются только авторитарные режимы. Действительно, нельзя же верить на слово известному казахстанскому оппозиционеру Галымжану Жакиянову, заявлявшему в начале первого десятилетия XXI в., что его страна должна «сдавать экзамен на демократию», подгоняя параметры своего развития под «европейские стандарты демокра-

тии». Такого рода заявления выглядят как пустое прожектерство, рассчитанное на внимание «западных друзей». Забывать о специфике Востока отчасти извинительно правозащитникам где-нибудь в Австрии или Швеции, но не ответственным деятелям в самих центральноазиатских государствах [4].

Куда более реалистичен в оценках реальностей своей страны другой представитель казахстанской политической элиты – Рахат Алиев, бывший зять президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Заслуживает внимания формулировка Р. Алиевым особенностей авторитаризма в этой республике: «В Казахстане нет реальной оппозиции. Есть персоны, которые приватизировали себе очень выгодные места “лидеров оппозиции”. Но практически все они – представители той же элиты, которая тесно сотрудничает со спецслужбами и правительством. Они контролируют колоссальные ресурсы – и банки, и крупнейшие предприятия. Фактически в их руках находится львиная доля экономики страны» [5]. Правда, чтобы прийти до таких признаний, надо было потерять позиции привилегированного сподвижника «общенационального лидера» и оказаться в эмиграции.

Зато поставленные казахстанским политиком акценты очень удачно подчеркивают, что в постсоветских государствах и обществах политический авторитаризм отнюдь не соединяется с экономическим либерализмом. Так или иначе, в новых независимых государствах на территориях бывшего Советского Союза господствующие политические силы нуждаются в абсолютном доминировании и в экономической сфере. И только элиты очень зависимых от своих западных союзников республик – тут самый показательный случай представляет собой нынешняя Грузия – не в состоянии сконцентри-

ровать в своих руках такие экономические ресурсы, а потому вынуждены значительную их часть передавать под иностранный контроль.

Как бы то ни было, во многих новых независимых государствах процветает авторитаризм. Или, как утверждают некоторые исследователи, «новый авторитаризм». В связи с этим следует отметить, что за последнее десятилетие появилось немало интересных исследований на этот счет, как в республиках бывшего Союза, так и на Западе [6]. Однако в них в основном прослеживаются лишь внешние формы такого «нового авторитаризма». Так, не раз упоминается такая его форма, как «персоналистский режим» [7]. Но обычно без выявления главных причин и предпосылок такого феномена.

Как нам представляется, ограничиваться подобными эмпирическими или даже более развернутыми обобщениями политологического характера было бы явно недостаточно. Со своей стороны мы сделали бы одно существенное уточнение: это авторитаризм в его особой форме – цезаризма. Если же быть более корректным в определениях, речь должна идти о «новом цезаризме», так как старый цезаризм был характерен для традиционного общества уже ушедших в прошлое веков. В данном случае – нового цезаризма – речь идет не просто о жесткой авторитарной власти архаического типа, а о сильной президентской власти, использующей и формально демократические институты. Но эта власть – обязательно единоличная, которая стремится ко все большему расширению реальных прерогатив правящего «цезаря».

Наиболее характерный пример такого правителя, конечно, – Сапармурат Ниязов (Туркменбаши) в годы его владычества. Но ту же самую тенденцию к «новому цезаризму» мы видим и

почти во всех других государствах на постсоветском пространстве, разумеется, без тех крайностей и курьезов, какими был столь одарен бывший лидер Туркмении.

Можно было бы выделить наиболее существенные параметры того «нового цезаризма», который все отчетливее вырисовывается на постсоветском пространстве в настоящее время [8]:

1. Это режим личной власти, а не, например, «господствующей партии».

2. «Новый цезаризм» определенно ставит себя над всеми политическими институтами в своей стране, что и закрепляется соответствующими титулами, будь то Елбасы («общенациональный лидер») в Казахстане, Туркменбаши («отец туркмен») в Туркмении или просто Батька в Белоруссии.

3. Неотъемлемой чертой такого режима является социальный маневр, необходимый для доминирования над всеми основными слоями общества. Но социальное маневрирование обязательно предполагает популизм, т.е. более или менее постоянные адресные подачки отдельным социальным группам, лояльность которых востребуется накануне очередных выборов или при других актуальных для власти обстоятельствах. Заметим, что такого рода социальное маневрирование существенно затрудняет «консолидацию демократических сил», поскольку поддерживает среди масс патерналистские настроения.

4. Режим не имеет четкой идеологической ориентации. И это тоже совершенно естественно, поскольку жесткие идеологические рамки были бы слишком неудобным корсетом для «цезарей», мешали бы им приспосабливаться к меняющейся конъюнктуре. А кроме того, затрудняли бы их режимам возможность мимикрировать под «настоящую демократию».

5. Отсутствие стратегии развития. Данная черта является очень показательной и в общем-то совершенно естественной для режимов «нового цезаризма». В отличие от имеющей реальную программу необходимых перемен на несколько десятилетий вперед китайской «коммунистической элиты» «новые цезари» постсоветского пространства озабочены сохранением власти для себя здесь и сейчас. Любая реальная программа развития стала бы для них сценарием достаточно быстрого ухода с политической сцены в пользу тех или иных преемников, что по многим соображениям самих «новых цезарей» отнюдь не привлекает.

Характеристика «нового авторитаризма» на постсоветском пространстве именно как особой системы власти – «нового цезаризма» – представляется нам более точной и существенной для осмысления сложившихся в его рамках тенденций развития, нежели, например, такие новейшие разработки современной транзитологии, как концепция «электорального авторитаризма» Андреаса Шедлера [9], или подход Дэвида Уайта с выделением решающей роли «господствующей партии» [10], или модель «виртуальной демократии» Эндрю Уилсона [11].

Понимание таких режимов именно как вариаций «нового цезаризма» имеет свои плюсы и в сравнении с интересными и весьма меткими наблюдениями болгарского исследователя Ивана Крастева, который рассуждает об имеющем все демократические институты и сохраняющем открытость по отношению к внешнему миру «вегетарианском авторитаризме» в современной России [12]. Преимущество концепции «нового цезаризма» видится нам прежде всего в том, что она не только описывает те или иные феномены постсоветских трансфор-

маций, но и выявляет объективную обусловленность подобного политического режима.

Стоит признать, что так или иначе «новый цезаризм» востребован отнюдь не только в Центральной Азии, но и в большинстве других государств на постсоветском пространстве. И на то есть весьма веские причины. Прежде всего, нельзя забывать о том, что новые независимые государства, как правило, еще очень слабы и окончательно не сложились во что-то устойчивое и безусловное. В такой ситуации практически в любой из этих стран остро необходим сильный лидер, символизирующий собой новую государственность и способный проводить активную и результативную политику. Кроме того, в новых независимых государствах еще не сложился такой «политический класс», который имел бы хорошо разработанную стратегию развития и был бы способен применять гибкие методы руководства массами и умело манипулировать демократическими институтами. Наконец, стоит принять во внимание, что и сами народы на постсоветском пространстве еще далеко не готовы принять на себя гражданскую ответственность.

Однако сама по себе объективная востребованность «новых цезарей» в этих странах не делает их положение легким и комфортным. Конечно, они могут выстраивать свою «вертикаль власти», они становятся реальными правителями в своих странах, они добиваются признания на международной арене (кстати, даже самые одиозные президенты центрально-азиатских государств в этом отношении не встречают никаких серьезных проблем). Но внутри своих стран эти «новые цезари» не имеют надежных социальных опор для проведения в жизнь собственного политического

курса, несмотря на то, что пытаются представить себя в качестве мудрых, просвещенных правителей, способных покончить с хаосом и установить порядок, обеспечивающий эффективное поступательное развитие.

Разумеется, «новые цезари» не могут слишком полагаться на официальную лояльность государственного аппарата. Не говоря уже о проблемах коррупции, этот аппарат сравнительно надежен лишь в относительно спокойных ситуациях. А в условиях острого кризиса его возможности крайне сомнительны, что более чем убедительно проиллюстрировал госаппарат Грузии, Украины и Киргизии в ходе прошедших там «цветных революций».

«Палкой о двух концах» являются инструменты массовой мобилизации в поддержку правящего режима. Такая деятельность очень сложна в организационном плане и крайне затратна в своей финансово-экономической основе. С подобными проблемами существующая власть столкнулась даже в России в ходе противодействия «снежной революции» зимой 2011–2012 гг., хотя – пусть и не сразу – она смогла без успеха предпринять такие меры. Так что чаще всего в новых независимых государствах власть удовлетворяется не мобилизацией масс в свою поддержку, а их демобилизацией и обеспечением инертности «молчаливого большинства».

Наконец, у «нового цезаризма» в постсоветском ареале остаются еще такие преимущества, как поддержка лидера со стороны своего рода и клана (родственников и земляков), а также использование высшей государственной властью спецслужб и других силовых структур. Но и эти политические ресурсы имеют свои ограничения. Бесспорно, что многие лидеры постсоветских государств уповают

на свои родоплеменные и клановые связи. Без них они, как правило, не могли бы оказаться во главе государства и укреплять собственную власть в среднесрочной перспективе. Однако с течением времени этот фактор поддержки приносит политическому лидеру все больше проблем и трудностей. Как правило, ближайшие родственники президентов становятся сильными источниками раздражения в общественном сознании граждан данных государств, что усиленно используется противниками существующей власти. Обычно особенно непопулярны в массах дети правителей, которые, с точки зрения господствующих стереотипов, даром получают те блага, которых они не создавали. Именно так было и в Киргизии. Политическая игра вокруг личностей дочери и сына А. Акаева и сына К. Бакиева была немаловажным фактором успеха оппозиции в борьбе с действовавшими тогда президентами страны [13].

Опасна для «нового цезаризма» и чрезмерная зависимость власти от силовых структур, включая спецслужбы. Самим президентам это до поры до времени внушает чувство надежности собственного положения. Но вместе с тем такая зависимость сужает свободу политического маневра, а зачастую и в немалой степени способствует непопулярности существующей власти среди «простых людей». Теневые стороны подобного положения наиболее очевидно проявились в последние годы правления Туркменбаши.

Как нам представляется, события прошедшего десятилетия в России, Белоруссии, Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, Киргизии, равно как и социально-экономические и политические трансформации в других новых независимых государствах на постсоветском пространстве, достаточно

определенно демонстрируют тенденцию к развитию «нового цезаризма». В то же время такого рода перемены остаются недостаточно определенными, внутренне противоречивыми. Сами политические лидеры и формирующиеся вокруг них элиты действуют скорее эмпирически, методом проб и ошибок, не имея продуманной программы политической и социально-экономической модернизации на долгосрочную перспективу.

Более того, тенденция к авторитарной модернизации на постсоветском пространстве отнюдь не является безальтернативной, поскольку необходимо учитывать общемировые процессы, особенно закономерности и последствия глобализации. И это не только нечто стихийное и неуправляемое, когда идет общение людей, убыстряются и расширяются контакты, легко преодолеваются границы, распространяются новые образцы и ценности. Разумеется, все это влияет и будет еще больше влиять на сознание масс, особенно молодежи. Но стоит учесть и целенаправленную работу влиятельных политических сил современного мира, которые и для государств, возникших на месте бывшего СССР, предусматривают вполне определенные программы развития. Весьма откровенно об этом заявлял некоторое время назад известный американский дипломат и разведчик Ричард Майлз, бывший в свое время «куратором» нескольких цветных революций: «Думаю, что идея “демократизации”, если можно использовать это выражение, *oversold* – переоценена, то есть все ожидали от нее слишком много. Гораздо лучше, по моему мнению, организовать программы... в рамках которых людям предоставляется возможность узнать различные страны, идеи, установить контакты. Если результатом таких уси-

лий станет построение демократии – хорошо, но это не является одной из задач» [14]. Так что в каком-то смысле и для «наших западных партнеров» демократический транзит не является самоцелью. Они могут отчасти сотрудничать на данном этапе и с «новыми цезарями».

В любом случае «цена» такой модернизации, при всех различиях в «моделях развития», остается весьма высокой, а конечные результаты данного социально-экономического и политического процесса в условиях «нового цезаризма» – очень проблематичными.

Библиография

1. Гельман В.Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. 2007. № 2. С. 83.
2. Панфилова В. В Киргизии переходное правительство: президент Бакиев понял необходимость перемен, но пока ничего не сделал // Независимая газета. 2007, 17 апреля. С.9.
3. Усманов С.М. Киргизская политическая весна 2010 г. и превратности нового цезаризма на постсоветском пространстве // Актуальные проблемы исторических дисциплин в системе образования Казахстана. Чимкент, 2010. С. 54.
4. Усманов С.М. Указ. соч. С. 54.
5. Панфилова В. Рахат Алиев: «Мою персону демонизируют» // Независимая газета. 2007, 1 июня. С.6.
6. Гельман В.Я. Указ. соч.; Умланд А. Электоральный авторитаризм на постсоветском пространстве // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1 (62). С. 191–195; Krastev, I., 2011. Paradoxes of New Authoritarianism. Journal of Democracy, 22 (2): 5–13; Schedler, A. (Ed.), 2006. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. Boulder; Wilson, A., 2005. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven.
7. Гельман В.Я. Указ. соч. С. 81.
8. Усманов С.М., Буданова И.А. Неясные контуры будущего: перспективы нового цезаризма на постсоветском пространстве // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Естественные, общественные науки. 2012. Вып. 1. С. 130.
9. Schedler, A. Op. cit.
10. White, D., 2011. Dominant party systems: framework for conceptualizing opposition strategies in Russia. Democratization, 18 (3): 681–683.
11. Wilson, A. Op. cit.
12. Krastev, I. Op. cit.
13. Усманов С.М. Указ. соч. С. 55–56.
14. Верлин Е. Ричард Майлз: «Идея демократизации была переоценена» // Профиль. 2006. № 24. С. 38.

Bibliography

1. Gelman, V.Ya., 2007. Out of the Pan into the Fire? Dynamics of the Post-Soviet Regimes in Comparison. Polis, 2: 83. (rus)
2. Panfilova, V., 2007. Transitional Government in Kirghizia. The Independent newspaper, 17 April: 9. (rus)
3. Usmanov, S.M., 2010. Kirghizian Political Spring 2010 and Real-world Effects of New Czarist Regime in the Post-soviet World. Actual problems of historical subjects in the education system of Kazakhstan. Chimgent: 54. (rus)
4. Usmanov, S.M. Op. cit.: 54.
5. Panfilova, V., 2007. Rakhat Aliyev: My Personality is Demonized. The Independent newspaper, 1 June: 6. (rus)
6. Gelman, V.Ya., Op. cit.; Umland, A. 2008. Electoral Authoritarianism in the Post-soviet World. Comparative Constitutional Review, 1 (62): 191–195 (rus); Krastev, I., 2011. Paradoxes of New Authoritarianism. Journal of Democracy, 22 (2): 5–13; Schedler, A. (Ed.), 2006. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. Boulder; Wilson, A., 2005. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven.
7. Gelman, V.Ya. Op. cit.: 81.
8. Usmanov, S.M. and I.A. Budanova, 2012. Vague Outlines of the Future: Prospects of New Czarist Regime in the Post-soviet World. Bulletin of Ivanovo State University, series Natural, Social Sciences, 1: 130. (rus)
9. Schedler, A. Op. cit.
10. White, D., 2011. Dominant party systems: framework for conceptualizing opposition strategies in Russia. Democratization, 18 (3): 681–683.
11. Wilson, A. Op. cit.
12. Krastev, I. Op. cit.
13. Usmanov, S.M. Op. cit.: 55–56.
14. Verlin, E., 2006. Richard Milse: Democratization Idea was Overestimated. Profil, 24: 38. (rus)